

Началось все с пластинок. Всесоюзная студия грамзаписи с помощью сотрудников объединения «MOST», существующего при Госфильмофонде, выпустила долгоиграющий диск «Поет Дина Дурбин», куда вошли музыкальные страницы из лучших фильмов актрисы. Как он попал в Париж, где живет сейчас Дина,

одному богу известно, но вскоре и в Москву пришло письмо, в которое с трудом верилось. Актриса удивлялась: «Разве ее фильмы шли когда-нибудь в СССР?», просила рассказать, какие именно ленты видели наши зрители, когда это было, показывали ли их дублированными или на английском, и т. п.

Как! Та самая Дина Дурбин? И ничего не знает?! Не знает, какой бешеный успех имела у нас появившаяся еще в предвоенные годы одна из первых ее картин «Сто мужчин и одна девушка»?! Не знает, как, не стесняясь, плакали люди, слушая ее «Калитку» и «Отчего да почему» в самый разгар войны («Сестре его дворецкого»?! Плакали, аплодировали посреди сеанса — случай для

нас небывалый — битком набив три зала «Метрополя», крутившего «впереноску» одну картину. Аплодировали и ее русскому с чарующим акцентом, искренности и вдохновением, с которым она пела, самим песням, в те годы для исполнения «нерекондованным». Не знает и о том, какие очереди выстраивались уже после войны на ее фильмы, что показывали «в качестве

трофеев»?! И пусть все они переименовывались нашим прокатом, но после «Секрета актрисы» («Без ума от музыки»), «Первого бала» («Первой любви»), «Брака поневоле» («Все началось с Евы») школьники распевали «Едут леди на велосипеде!», эстрадные певцы и первый — Михаил Александрович включили в свой репертуар ставшую мгновенно популярной «Амаполу», а на рынках и в электричках шли нарахват самодельные анилиновые фото с портретом Дины, прижимающей к груди пунцовую розу?!

Не знает, конечно, и о том, как мы сочувствовали ей, как жалели ее, как убивались, когда прочли в наших газетах о зловредных капиталистических акулах, выжавших из любимой нами актрисы все соки — тут уж наша пресса не скупилась на краски! — и в 26 лет выбросивших ее из Голливуда, пристанища ада.

А дальше последовала неизвестность шириной в сорок лет. Правда, как-то промелькнуло сообщение, что, живя во Франции, Дина Дурбин журналистов не принимает, от интервью отказывается и просит ей вообще не напоминать о ее карьере в кино.

И вот это письмо. Сами вопросы Дины говорили, что кино и ее фильмы ей вовсе не безразличны, а выход у нас пластинки обрадовал ее.

Обо всем, что интересовало актрису, я рассказал ей. И о ее фильмах, и о ретроспективах, которые ежегодно устраивает московский «Иллюзион», показывая добрый десяток лент с Диной Дурбин, и о буклете, выпущенном «Mostom», и даже о только что появившемся большом календаре на 1992 год с отличным ее портретом (продукция того же «Mostom»). И задал несколько вопросов.

Кстати, для Дурбин нынешний год юбилейный. А фотографию актриса вложила в пакет, на котором печатными буквами вывела фломастером адрес получателя. И обратный тоже. Это не помешало кому-то конверт все же вскрыть и ознакомиться с его содержанием. А говорили, что у нас 20 августа не стало цензуры. Спасибо, что, ознакомившись, заклеили пакет скотчем и содержимое благополучно дошло до адресата!

Глеб СКОРОХОВОВ.

ТА САМАЯ ДИНА ДУРБИН

Сентябрь 1991

Дорогой Глеб Анатольевич!

Какое удовольствие я получила, прочтя ваше письмо и узнав, что меня все еще любят в вашей стране. Вы очень добры ко мне, очень мне польстили, но я в самом деле была необыкновенно счастлива узнать о всех тех новых для меня вещах, о которых вы мне сообщили.

Рада ответить на ваши вопросы, правда, настолько, насколько смогу вспомнить.

Я начала свою карьеру в радишоу Эдди Кантора. Мой первый фильм — «Три милых девушки» — сняли в то же самое время: публика хотела увидеть ту маленькую девочку, которую до этого они только слышали. Картина им понравилась, и мы сделали другую — «Сто мужчин и одна девушка» (о ней вы писали), и вот так все началось.

Я действительно пела арию из «Мадам Баттерфляй» в шоу Эдди Кантора.

Практически не смогу выделить самый любимый фильм из тех, в которых я снималась. С каждым из них у меня связаны личные и профессиональные воспоминания. И каждый был по-своему дорог в тот момент, когда делался. Особо я ценю картину «Рождественский праздник» — в ней я впервые сыграла драматическую роль. Я получила огромное удовольствие от нее, резко отличающейся от всего, что играла раньше.

Другой фильм, о котором вы написали, — «Сестра его дворецкого». Его режиссер Фрэнк Борзедж снял несколько фильмов, которые я очень люблю, — «Твердыня человека» со Спенсером Треси и «Прощай, оружие!» с Гари Купером.

Генри Костер, который сделал шесть из моих двадцати одного фильма, был тоже прекрасным режиссером.

Наконец, перед моим нынешним мужем Чарльзом Дейвидом поставили сложную задачу — снять со мной музыкальную комедию о том, как раскрывают тайну убийства! Не думаю, что до этого кто-нибудь пытался сделать нечто подобное, но у него это очень хорошо вышло. Фильм назывался «Леди в поезде».

Если у вас возникнут еще какие-либо профессиональные вопросы, на которые вы хотели бы получить мой ответ, напишите об этом.

Разрешите поблагодарить вас за ваше интересное письмо и передать мои наилучшие пожелания.

Искренне ваша
Дина ДУРБИН.

To Gleb Anatolyevich,
Best always —
Dinanna Durbina